

Принцесса Диана

ЖИЗНЬ, РАССКАЗАННАЯ ЕЮ САМОЙ

Принцесса Диана

ЖИЗНЬ, РАССКАЗАННАЯ ЕЮ САМОЙ

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2014

УДК 82-94
ББК 85
П 76

Оформление серии Е. Гузьяковой

Фотография на обложке: Уппа / Globe Photos / ZUMAPRESS.com / Legion-Media

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
Paul Fievez / Mail On Sunday / Rex Features / Fotodom.ru,
Denis Jones, Tony Weaver, David O'Neill / Associated Newspapers / Rex Features / Fotodom.ru,
Neville Marriner, Clive Limpkin, Mike Forster, Ted Blackbrow, James Gray, Nick Skinner,
Paul Fievez / Daily Mail / Rex Features / Fotodom.ru,
Alison Mcdougall, Clive Howes / Evening Standard / Rex Features / Fotodom.ru,
Reginald Davis, Mike Forster, Sharok Hatami, Tim Rooke, Charles Sykes, Jason Mitchell, Mike Lawn, David Hartley,
Cassidy and Leigh, Richard Young, Peter Brooker, Terence Donovan, David Levenson, Nils Jorgensen, Steve Wood, Brendan Beirne,
Steve Fenton, Mauro Carraro, Patrick McGuinness / Rex Features / Fotodom.ru,
THE SUN / Rex Features / Fotodom.ru, News Group / Rex Features / Fotodom.ru, ITV / Rex Features / Fotodom.ru,
TODAY / Rex Features / Fotodom.ru, News (UK) Ltd / Rex Features, Royalty / TopFoto / Fotodom.ru,
Уппа.co.uk / TopFoto / Fotodom.ru, National News / TopFoto / Fotodom.ru, Woodmansterne / TopFoto / Fotodom.ru,
AP Photo / FOTOLINK, Alamy / Photos 12 / FOTOLINK, Eurasi / Photononstop / DIOMEDIA,
Impact Photos / DIOMEDIA, Alpha / Globe Photos / ZUMAPRESS.com / Legion Media,
Pelham, Dave Chancellor, Dave Benett, Jim Bennett / Alpha / Globe Photos / ZUMAPRESS.com / Legion Media,
Уппа.co.uk / Globe Photos / ZUMAPRESS.com / Legion Media, Keystone Pressedienst / ZUMAPRESS.com / Legion Media,
KEYSTONE Pictures USA / ZUMAPRESS.com / Legion Media, Antony Jones / UK Press / Getty Images / Fotobank.ru,
Frank Barratt / Keystone / Getty Images / Fotobank.ru, Express Newspapers / Archive Photos / Getty Images / Fotobank.ru

П 76 **Принцесса Диана. Жизнь, рассказанная ею самой** / М.:
Яуза-пресс, 2014. — 208 с. — (Женщина-Эпоха. Уникальная
автобиография).

ISBN 978-5-9955-0550-1

Ее обожал весь мир — и ненавидела собственная родня. По ней сходили с ума миллионы мужчин — а муж променял ее на старую любовницу, не блещущую красотой. За ее венчанием наблюдали более миллиарда телезрителей, ее «райской жизни» завидовали все женщины мира — но она в отчаянии спрашивала принца Чарльза: «За что ты вверх меня в ад?»

Эта книга — не просто автобиография, не дневник, не мемуары, даже не исповедь — это крик души самой желанной женщины в мире, у которой было все, кроме любви и женского счастья. Ведь обожание толпы и поклонение миллионов — еще не любовь...

Успела ли она узнать это чувство после разрыва с принцем Чарльзом? Был ли ее последний мужчина достоин руки принцессы Дианы? О чем она сожалела больше всего, чего опасалась после развода, кому верила, кого подозревала, о чем думала в последние дни? Почему так отчаянно спешила жить — как будто не просто предчувствовала трагический финал, а знала наверняка?.. Казалось, нам уже не получить ответ на эти вопросы; казалось, леди Ди унесла свои тайны в могилу — если бы не эта сенсационная книга, проливающая свет на самые запретные страницы ее биографии.

УДК 82-94
ББК 85

ISBN 978-5-9955-0550-1

© Павлищева Н., перевод, 2014
© ООО «Яуза-пресс», 2014

НЕНУЖНАЯ...

Я мешала всем и всегда, я была ненужной...

Только два человека в этом мире действительно любили и любят меня — Уильяма и Гарри. И я люблю только их двоих.

Восторг и приветствия огромных толп, которые собираются посмотреть на меня, — это не любовь, вернее, любовь, но не ко мне самой. Люди любят созданный образ принцессы, которая была Золушкой, и не хотят замечать, что бывшая Золушка несчастна.

Из всего сонма окружающих меня родственников и знакомых меня любят только мои мальчики, причем именно меня, со всеми моими недостатками и достоинствами, просто за то, что я их мама. И я люблю их потому, что они мои сыновья, а не потому, что принцы.

Очень надеюсь, что у них будут жены, которые будут любить просто их, Уильяма и Гарри, а не принцев—наследников короны.

Я часто предчувствовала беду до того, как случалось что-то дурное, могла напророчить

чью-то болезнь или даже гибель. Иногда этого побаивались.

Теперь я не чувствую, я ЗНАЮ. Бывает такое, когда нет никаких предпосылок, все почти спокойно, а ты точно знаешь, что сейчас, вот в следующую минуту, произойдет что-то страшное...

Так, я знаю, что совсем скоро гибель. У моей машины откажут тормоза, и я получу смертельную травму. Если и выживу, то больше не смогу быть действительно живой, потому что существование под аппаратами на медицинской кровати не для меня.

Чарльз часто спрашивал меня, чего мне не хватает? Действительно, чего мне не хватает для счастья? Постепенно размышления вылились в попытки осмыслить, как можно быть несчастной, имея все — двоих прекрасных сыновей, семью, причем королевскую, всеобщее восхищение, здоровье и весьма привлекательную внешность.

*Жизнь хороша, когда ты знаешь, что с ней делать.
Иногда чтобы понять, что именно, можно потратить половину самой жизни.
Но даже это удается не всем*

ТРАГЕДИЯ ДЕТСТВА

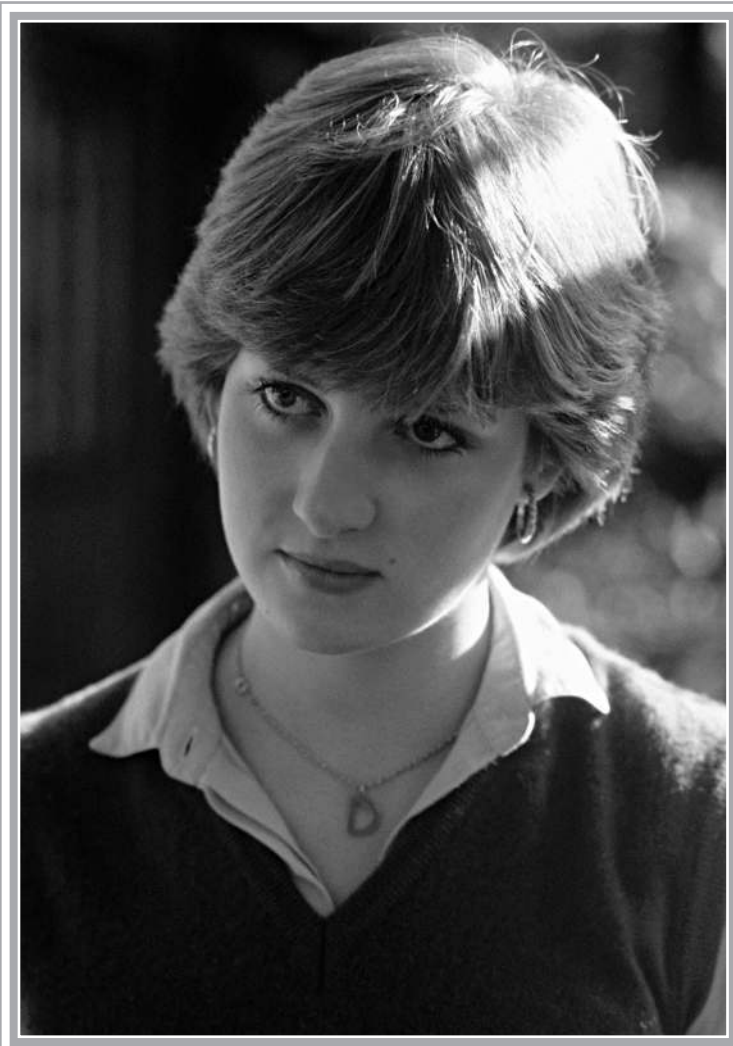

Наша семья была самой обыкновенной семьей, близкой к королевскому двору. Эту близость обеспечили принадлежность отца к роду Спенсеров и дружба бабушки Рут Фермой с королевой-матерью. Рут Фермой дружила со старшей Элизабет еще тогда, когда никто не предполагал, что та станет королевой, а потому никто не мог заподозрить мою бабушку в низкопоклонничестве. Все Спенсеры своенравны, а все Фермои строптивы и властны. О моей маме Фрэнсис говорят, что, когда пристально смотрит своими синими глазами, кажется, будто она больше королева, чем сама королева. Да, из мамочки вышла бы куда лучшая супруга принца, чем я. Будь она на моем месте, Камилла отправилась бы куда-нибудь в Австралию или вообще на Южный полюс уже через пару дней, а не отравляла жизнь столько лет.

Хотя ее собственная мать, наша бабушка Рут Фермой, от неверности мужа претерпела немало. Бабушка была всегда уверена в правильности своих поступков и мысли не

допускала о возможности ошибки. Мне бы ее уверенность! Брак бабушки по сути был кошмаром, но она женила на себе дедушку по расчету и жила, прекрасно зная о побочных связях и даже детях своего супруга. Возможно, поэтому бабушка была крайне возмущена и маминим, и моим поведением. Подумаешь, муж неверен и имеет многолетнюю любовницу! Разве это причина, чтобы страдать булимией, ревновать и тем более разводиться?! В конце концов, можешь поплакать в подушку, но так, чтобы даже горничная не догадалась, а уж за пределами собственной спальни об этом вообще никто ничего не должен знать!

Я сделала все наоборот — вынесла свои страдания на суд общественности, рассказав о неверности царственного супруга, и этим совершенно испортила отношения с бабушкой. Ничего другого ожидать было нельзя, потому что задолго до этого она также вычеркнула из своей жизни мою маму, свою обожаемую дочь Фрэнсис, когда та посмела уйти от мужа к любимому человеку.

Пока принцесса только в мечтах...

Я тоже осуждала маму, сейчас мы с ней в ссоре по другому поводу, но осуждала за то, что она бросила меня. Бабушка же выступила против собственной дочери даже в суде, когда определяли, кто должен опекать детей. При этом бабушку меньше всего волновали чувства детей, для нее было главным, что Фрэнсис, для которой она устроила столь блестящий брак, посмела его разорвать! Бабушка действительно устроила сначала роман между моими родителями, а потом

и их свадьбу. Ей было неважно, что маме всего пятнадцать, что она еще школьница, что у папы тогда была другая, почти невеста. Она решила заполучить для дочери самого завидного к тому времени жениха — Джона Спенсера, который должен со временем стать восьмым графом Спенсером, она его заполучила.

Папа был влюблен в маму понастоящему, несмотря на ее молодость и разницу в их возрасте в двенадцать лет. Когда маме исполнилось семнадцать, они наконец смогли пожениться. О... это была поистине королевская свадьба, конечно, не такая, как у меня, но бабушка всегда умела блеснуть.

Я больше похожа на маму моего отца леди Синтию, и внешне, и во многом характером. Леди Синтия была удивительно доброй и обожала заботиться о других, ее часто видели в семьях Нортгемптоншира с помощью и утешениями. Но она и слова не могла сказать против бабушки — графа Спенсера. Де-

душку Джека боялись мы все, и папа тоже. Мама не очень, но жить в его огромном Элторпе с его 120 комнатами и суровыми условиями без нормального отопления не хотела. Мама говорила, что чувствует себя там так, словно нечаянно осталась в музее, который закрыли на выходной. Именно поэтому мы перебрались к бабушке Рут Фермой в Парк-Хаус в королевском поместье в Сандрингэме. А сама бабушка окончательно переехала в Кларенс-Хаус к своей

подруге — королеве-матери Элизабет. Их многолетняя дружба казалась нерушимой. Она таковой и была.

Сначала родители были счастливы, как могут быть счастливы молодые люди, у которых есть любовь, семья, родилась первая дочь и имелись средства на пусть и не королевское, но вполне сносное существование.

Я иногда думала: неужели именно долгое отсутствие сына так испортило их отношения? Когда, будучи уже совсем взрослой, узнала, что отец заставлял маму пройти обследование, чтобы выяснить, может ли она вообще рожать сыновей,

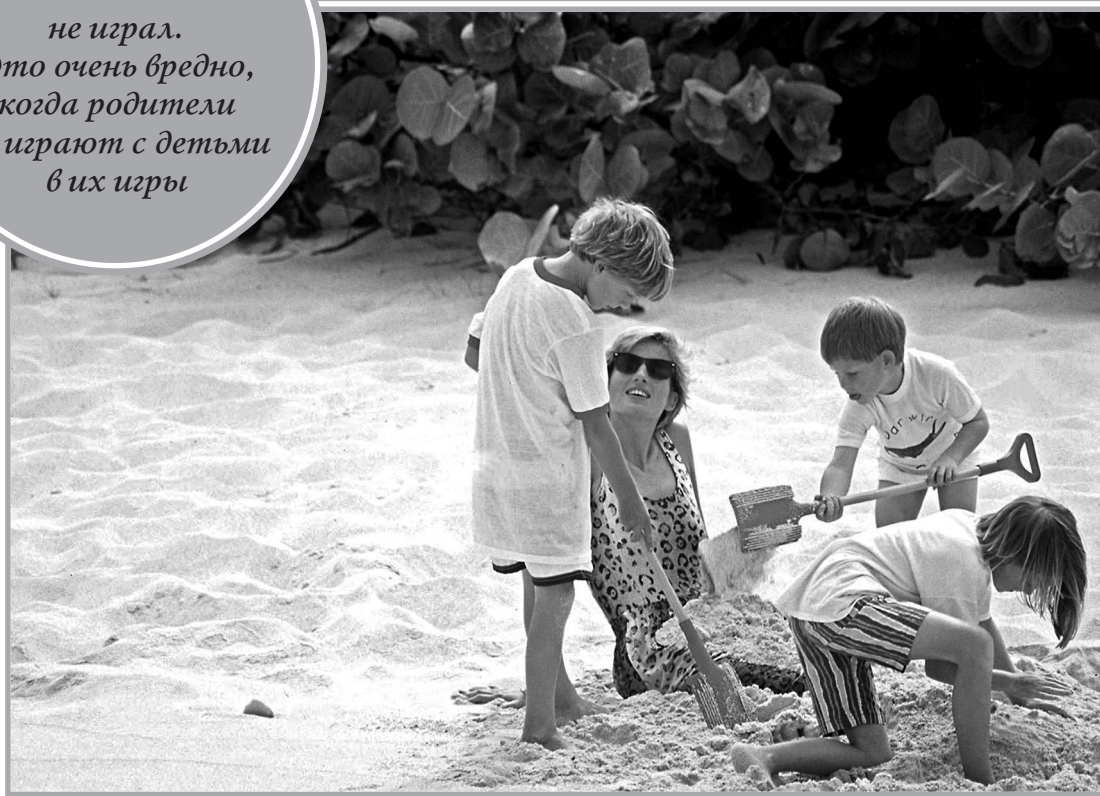
не сразу поверила. Но потом, когда мой Гарри родился совершенно рыжим (а он как две капли воды похож на мою сестру Сару) и Чарльз засомневался в своем отцовстве, я поверила, что такой поступок мужа возможен.

Мама родила Сару, нашу рыжую красавицу, крестной матерью которой стала сама королева-мать.

Потом родилась Джейн — умница и отличница, ее крестным отцом стал герцог Кентский.

Потом родился Джон, и это стало сначала радостью, но тут же горем. Джон умер почти сразу. Мама рассказывала, что была в ужасе, потому что ребенка унесли, а ее саму заперли и не выпускали, пока Джона не похоронили. Потом была неудачная беременность, а потом на свет появилась я.

*Со мной в детстве
вот так никто
не играл.
Это очень вредно,
когда родители
не играют с детьми
в их игры*

Отец позже мог говорить все, что угодно, но в момент рождения я оказалась для него полнейшим разочарованием. Едва родившись, я была никому не нужна. Снова девочка! 1 июля 1961 года в семье Спенсеров

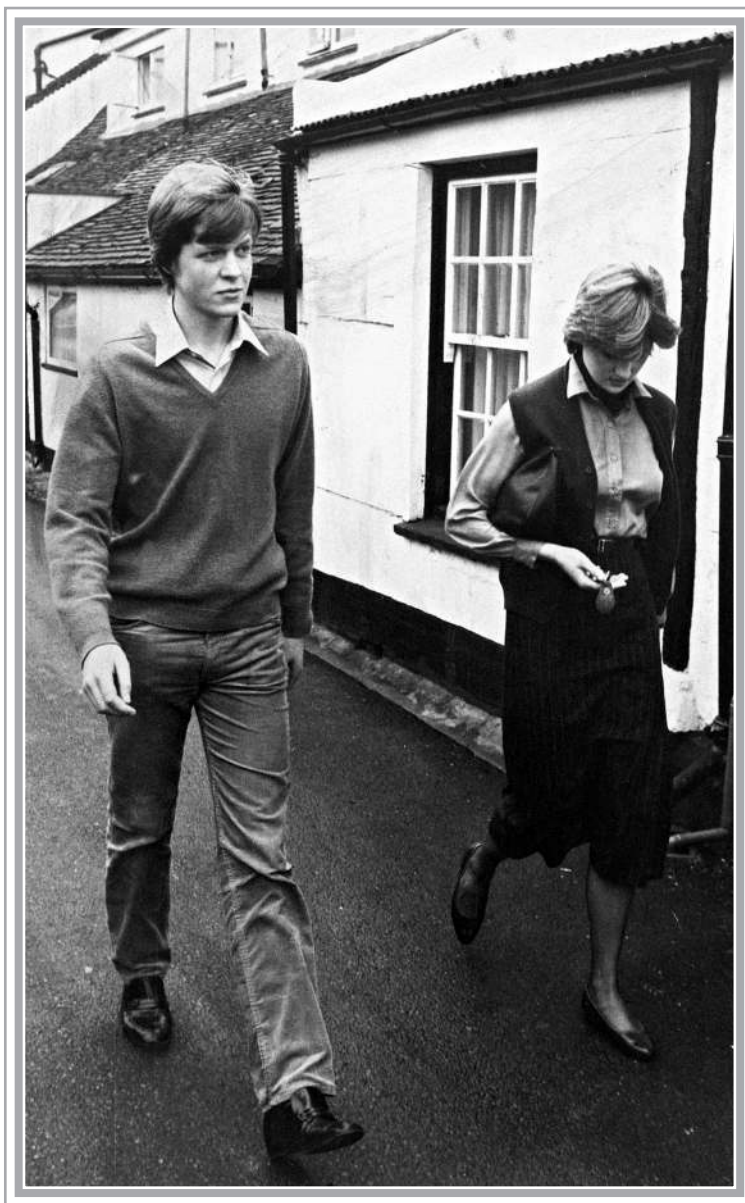
не стало праздником, они даже не могли целую неделю выбрать мне имя, и никаких звездных крестных у меня не было тоже. Вот тогда папа и заставил маму пройти обследование.

Через три года родился наш братик Чарльз, его крестной была сама королева Елизавета II, но отношения родителей это уже не спасло. Мама, подарив роду наследника, видно, посчитала свою миссию выполненной, а себя свободной.

До развода родителей у нас было счастливое детство, огромный парк Сандрингэма, достаточно удобный Парк-Хаус, обожаемые родители, готовые делать для нас все, постоянные праздники... Даже няни были добрыми и веселыми, во всяком случае, мне так казалось. Я очень любила и маму, и папу. Разве можно было предположить, что они когда-то станут делить нас?!

Гром грянул среди ясного неба: мама влюбилась! У меня очень красивая мама, длинные ноги у меня от нее, только она рыжая, как Сара, и очень уверенная в себе. Сара в нее характером, но моя сестра тоже очень красивая.

Начались родительские скандалы. Папа при всех делал вид, что они хорошая семейная пара, а когда гостей не было, родители страшно кричали друг на друга, хлопали дверьми. Сара умней, она уходила

Младший брат Чарльз быстро перерос нас всех. Высокий рост, как и рыжие волосы, у Спенсеров наследственное

в свою комнату и включала погромче музыку, а я, наоборот, подходила к самой двери их спальни и пыталась послушать, что же не так.

Почему они ссорятся, ведь за день не случилось ничего страшного? В пять лет я не понимала, в чем именно родители обвиняли друг дружку, но где-то в голове это засело. Позже Чарльз удивлялся тому, что я устраивала скандалы с криком и хлопаньем дверьми. Для королевской семьи это было немыслимо, там голоса не повышали, а я просто не представляла, что можно ссориться иначе!

Я страшно боялась, чтобы папа не ударил маму, потому, стоило им повыситься друг на друга голос, оказывалась тут как тут, но появляться на виду не решалась, просто стояла за дверью, постоянно ожидая чего-то страшного.

А потом они развелись совсем...

Мы виделись с мамой только по выходным, для этого нужно было проехать немалый путь с няней, потом видеть слезы мамы и слышать ее причитания, что завтра детей заберут обратно...

Эти воскресные встречи только озлобляли меня. Конечно, в свои шесть лет я ничего не понимала, кроме того, что мама нас бросила.

Сара была почти взрослой, ей исполнилось тринадцать, за ней тянулась отличница Джейн, они уже учились и чувствовали себя почти самостоятельными, залихватски рассказывали о выпивках и разных школьных проказах, вернее, рассказывала Сара, а Джейн только кивала. Казалось, развод родителей их почти не задел, они не желали

ездить к маме в ее новый дом. Конечно, это только казалось, но старшие сестры хотя бы понимали, что именно происходило, а мы с братом нет.

Брат Чарльз был еще совсем мал, а я пыталась разобраться, но не понимала одного: как могла мама нас бросить?! Она уехала в Лондон, обещая вернуться, и не вернулась. Позже я узнала, что маму не пустили в дом, когда она приезжала нас проведать, но тогда это было настоящим горем — мама нас бросила!

Сара фыркала, что я дура, потому что развела слезы, мол, нужно не плакать, а сделать свой выбор. Но я не могла делать выбор между мамой и папой.

Ну почему нужно выбирать между мамой и папой?! Я не хотела выбирать, я любила обоих одинаково сильно и хотела жить с обоими!

Они сначала разводятся и делят нас, словно столовое серебро, а потом требуют, чтобы мы были счастливы. Я не могла быть счастливой. Однажды к празднику они прислали мне каждый по платью — белое и зеленое, и я вместо того, чтобы радоваться, рыдала и даже не хотела никуда идти, потому что оба наряда были красивыми и мне нравились, но выбрать один означало отвергнуть другой, а я не хотела никого отвергать!

Разве можно в таких условиях не вырасти строптивой? Знаю, у многих родители развелись, но не у всех так тяжело и позорно, к тому же не всех заставляли жестоко выбирать и не всем потом приводили в дом таких мачех, какой была Рейн.

Однажды я умудрилась отказаться от чаепития... с королевой! Отцу прислали приглашение на чай в королевскую резиденцию

Дети мудрее взрослых, они умеют жить здесь и сейчас, а не страдать из-за того, что было, или бояться того, что будет. С возрастом это умение теряется

в Сандрингэм, причем именно со мной. Что заставило меня вдруг заявить, что не пойду, не знаю сама.

— Нет, у меня болит голова!

— Дач?! Тебя королева каждый вечер приглашает попить чайку? К Ее Величеству и с мигренью можно пойти.

— Не пойду!

Ни переубедить, ни заставить отца не удалось, он был вынужден отправить Ее Величеству извинения, объясняя отказ моей болезнью. Потом я пожалела, но тогда главным было настоять на своем.

Сара о выходке отзывалась коротко:

— Дач просто дура!

Бабушка не просто заняла сторону отца, но и выступила против собственной дочери, осудив маму публично. Так мы получили еще один урок: положение при королевском дворе важнее даже любви к собственной дочери, ведь бабушка поступила так, прежде всего чтобы сохранить дружбу королевы-матери.

Если бы мама нас выкрала или хотя бы попыталась сделать это, я бы ее простила, но мама сразу после развода вышла замуж за своего любовника Питера Шенда Кида. Даже если это была горячая любовь, дети не виноваты. Мы остались с папой и хорошо видели, как он изменился. Особенно это чувствовала я.

У мамы в Шотландии, где она жила со вторым мужем, можно покататься на вот такой забавной лошадке...

Знай я тогда, какую важную роль в моей жизни позже сыграют лошади, относилась бы к верховой езде серьезней

Сара и Джейн были уже достаточно взрослыми и учились далеко, а мы с Чарльзом пока оставались рядом с папой. Он стал нелюдимым, грустным, словно, уехав, мама забрала из него жизненные силы. Я не могла не пытаться утешить папу, мне так хотелось вернуться в те времена, когда в Парк-Хаусе устраивали счастливые праздники в дни рождения! О, наши праздники помнили в графстве, весь парк Сандрингэма превращался в настоящий детский рай!

Но все это закончилось... Иногда я думала, что и детство закончилось тогда же.

Мама со своим Питером уехали на остров Сейл на западе Шотландии. Конечно, ни мы туда, ни мама оттуда ездить каждые выходные не могли.

Мне было восемь, когда мы остались только с отцом, няни не в счет, с ними я воевала так, словно это они виноваты в уходе мамы. Мы Спенсеры, но как же нам было одиноко! Конечно, папа отвозил нас с Чарльзом в школу и забирал обратно, он старался зайти в детскую, чтобы пожелать спокойной ночи, интересовался нашими делами, но папа — это не мама. Ели мы всегда только в детской с няней, беседы вели с ней или друг с другом... Чарльз, видно, чувствовал одиночество еще сильнее меня, а потому часто плакал и всегда жался ко мне, словно ища защиты. Я заботилась о нем как могла, ведь Чарльз не получил даже той любви мамы и папы, которая досталась нам, он был слишком мал, чтобы что-то понимать, когда они разводились.

Нянь я просто выживала. Все говорили, что я упрямая, строптивая, иногда просто невыносима. Они ничего не понимали! Чаще всего я упрямилась не из-за того, что была действительно упряма, а потому, что меня не замечали!

Да, да, и пусть говорят что угодно. Потом порасскажут, что это не так, что я была у отца любимица и он многое готов сделать для меня... Да, назло всем я сказала, что хочу на день рождения живого верблюда, и когда праздновали мой седьмой день рождения, отец раздобыл настоящего верблюда. Ох и посмеялись мы тогда! Но все равно, верблюды — это признак родительской любви? Нет, я была им не нужна!

Лучше бы они сохранили семью, чем приво-дили верблюдов.

Мне всегда нравилось танцевать, ах, как мне это нравилось! Так хотелось выйти на сцену в роли Одетты-Одиллии в «Лебедином озере». Обожаю Чайковского, особенно этот балет. Я даже выучила его переложение на клавиры и с удовольствием играла перед домашними.

Но какая из меня балерина? Я высокая, толстая и ленивая... Возможно, не будь я такой неуклюжей пышкой в детстве, займись серьезно балетом, во мне бы воспитали упорство, трудолюбие, уверенность... Но этого не случилось, танцы танцами, а в балет не взяли совсем.

А еще я любила плавание и прыжки в воду. Вода — это чудесно, в воде я чувствовала себя уверенно, в плавании нужна сила и стремление вперед, чего у меня вполне хватало. В воде я ловкая, легкая, не то что на суше, где нужно следить за осанкой, за тем, чтобы не косолапить или не загребать ногами.

Постепенно я научилась быть красивой и на суше, но вот сутулость осталась. Нелегко не сутулиться, если все вокруг хоть немного, но ниже тебя, высокий рост хорош, когда ты среди высоких людей.

Куда хуже обстояли дела со всякой зубрежкой, а вернее, экзаменами. Я совершенно не

понимала, зачем мне все это знать. А если мне неинтересно или я не понимаю, зачем это нужно, могу зубрить сколько угодно, никакого толка не будет, все равно к экзамену все вылетит из головы. Я не понимала и того, почему все переживают из-за несданного предмета. Не сдала? Ну и что, разве я от этого стала хуже или просто другой?

После экзамена я могла спокойно рассказать все то, что была не в состоянии ответить перед преподавателями. Мне просто не казалось это важным. Сара сдала шесть экзаменов, а наша отличница Джейн и во все одиннадцать, я ни одного даже после

второй попытки. И это им пригодилось? Ничуть. Все, что нужно узнать, они узнали сами. И я также.

Если мне было интересно или действительно нужно, я легко выучивала большие тексты за короткий срок. Это не касается речей, так и не научилась подолгу и легко их проносить, больше чем на десяток минут меня никогда не хватало. Но стоило уйти с трибуны, и я могла разговаривать с людьми на любые темы.

Когда мы отправлялись в новую страну, я, которая ничего не знала из географии или истории (в этом не вина преподавателей, они старались вложить нужные знания), спокойно прочитывала большой текст и легко его запоминала. Но стоило закончиться визиту, как этот же текст легко исчезал из моей памяти, словно влажной губкой стирали написанное на доске. Так уж устроена моя память, она цепкая и крепкая, но

*Никогда
не умела выделяться,
напротив, немедленно
появлялось желание
забиться в уголок.
Найдете здесь Диану
Спенсер? Едва ли...
А ведь я в центре*

недолгая и не желает подчиняться правилам. Чарльза временами это приводило в ужас или в ярость.

Мне было четырнадцать, когда положение нашей семьи вдруг изменилось: отец стал восьмым графом Спенсером, а мы соответственно леди Сара, леди Джейн и леди Диана. Я — леди Диана Спенсер!

И наш родовой замок — огромный Элторп. Конечно, в нем оказалось не все так здорово, то есть было помпезно и страшно неудобно, но ведь это родовое поместье. Я ходила по залам, приседала в реверансе перед каждой картиной, важно поворачивала голову налево и направо, милостиво кивала, словно разрешая что-то своим пажам...

Какая девочка не мечтает стать принцессой в таком возрасте? Хотя, думаю, Сара не мечтала, она всегда знала, чего хочет, и смотрела на меня свысока.

Но тогда у нас еще был отец, хотя няни менялись то и дело. Просто они были противные, я воевала с этими тетками и одну за другой выживала из Элторпа. Зачем нам няни? Может, маленькому Чарльзу и были нужны, но не мне же! В школе мне постоянно указывали, что делать, и на каникулах чужая тетка тоже норовила заставить поступать по-своему.

На меня глядя, капризничал и Чарльз. Одна из нянь хватала нас с братом за шиворот и... била лбами друг о дружку! Но я тоже справлялась с ними: закрывала в ванной, выкидывала в окно их вещи... Нам не нужны няни, нам нужна мама.

Лучше бы я этого не говорила! Я понимаю, что не мои слова повлияли на отца, он принял решение сам.

Мы только освоились в Элторпе, когда отец решил жениться. Это было просто невысказано. У нас будет мачеха?! Хотелось крикнуть:

Получив наследство, отец стал восьмым графом Спенсером, а его дочери — леди. Леди Диана Спенсер. Это уже совсем иной статус и иная самооценка